

УДК 740

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ВЫУЧЕННОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ РОССИЯН

К. Т. Абдуллаева, Г. П. Звездина

Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Статья посвящена рассмотрению феномена выученной беспомощности у граждан РФ. Предпринята попытка проведения анализа исторических и культурных предпосылок, повлиявших на формирование выученной беспомощности у граждан РФ. Автор предполагает, что одной из основных причин возникновения выученной беспомощности россиян может быть исторически и культурно обусловленные «детско-родительские отношения» между народом и государством, основанные на вековом патернализме. Автор описывает причины возникновения личностной беспомощности у детей в семьях, проводя аналогию с исторически детерминированной системой отношений, основанной на патернализме, где в роли «ребенка» выступает народ РФ.

Ключевые слова: выученная беспомощность, государство, россияне, патернализм, личностная беспомощность, воспитание в семье, дети, традиции, исторические и культурные предпосылки.

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE HISTORICAL AND CULTURAL BACKGROUNDS OF THE LEARNED HELPLESSNESS OF THE RUSSIANS

K. T. Abdullaeva, G. P. Zvezdina

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of learned helplessness among citizens of the Russian Federation. The author has tried to analyze the historical and cultural background that influenced the formation of learned helplessness among the citizens of the Russian Federation. The author suggests that one of the main causes of learned helplessness in the Russians may be the historically and culturally conditioned "parent-child relationship" between the people and the state, based on paternalism. The author says that the reasons of personal helplessness are formed in families. There is an analogy with a historically determined system of relations based on paternalism, where the people of the Russian Federation act as a "child".

Keywords: learned helplessness, the state, the Russians, paternalism, personal helplessness, upbringing in a family, children, traditions, historical and cultural background.

Введение. Если рассмотреть общественно-экономическую ситуацию в России за последние десятилетия, то можно заметить, как граждане нашей страны все чаще и чаще оказываются в условиях нестабильности, непредсказуемости и неподконтрольности, что неминуемо вызывает сложности не только экономического, но и психологического характера. Именно в этих условиях может актуализироваться предрасположенность человека к возникновению беспомощности. Наверняка, каждый хоть раз слышал: «все равно ничего не изменится», «зачем идти на выборы, без нас уже все выбрали», «все уже решили за нас», «от нас ничего не зависит» и т. д. Знакомо, не правда ли? Как известно, равнодушие, безразличие и безволие не врожденные качества, а приобретённые. Так что же такое выученная беспомощность? И какое отношение она имеет к гражданам РФ?

Основная часть. О феномене выученной беспомощности стало известно благодаря американскому психологу Мартину Селигману в 1967 году. Первые эксперименты были

проведены на собаках. Животных подвергали неконтролируемому воздействию слабых ударов тока, которых они не могли избежать. После чего животных помещали в условия, из которых они могли выбраться и тем самым предотвратить неприятные ощущения, но, к удивлению ученых, животные ложились на пол и скулили, не предпринимая никаких попыток избавиться от боли. Мало того, они привыкали к ударам все большей силы. Феномен выученной беспомощности Селигман охарактеризовал как отсутствие мотивации в результате столкновения индивида с неподконтрольной ему ситуацией, т. е. когда результат не зависит от прилагаемых усилий. Синдром выученной беспомощности проявляется в трех сферах: мотивационной, когнитивной и эмоциональной. Мотивация пропадает, когда индивид перестает верить в себя и не желает влиять на ситуацию. В когнитивной сфере проявляется неспособность индивида обучаться выходу из неподконтрольных ситуаций. Подавленное состояние, граничащее с глубокой депрессией, и чувство безысходности характеризует эмоциональную сферу. Мартин Селигман также заметил, что подопытные собаки, воспитывая своих щенков, передавали им свою беспомощность. Что уж можно сказать о людях.

В 2016 году «Левада-центром» был проведен опрос, который показал, что 68 % россиян уверены, что они никак не могут повлиять на происходящее в стране, 21 % полагают, что могут, но в незначительной мере, и только 5 % верят в свои силы [1]. Одна из причин выученной беспомощности россиян основана на исторически сформированном национальном архетипе отношения русского народа и власти, а также детерминирована исторически и культурно сложившимся патернализмом и вековым рабством. В данной статье предпринята попытка проведения анализа исторических и культурных предпосылок, повлиявших на формирование выученной беспомощности у граждан РФ.

Еще М. Селигман говорил о том, что выученная беспомощность у ребенка формируется ближе к восьми годам. Э. Дюркгейм утверждал, что именно на семью и школу возложены задачи основных воспитательных функций, которые очень важны на первых этапах в социализации ребенка. Предположим, что детско-родительские отношения могут быть исторически и культурно обусловленным механизмом взаимодействия между народом и государством РФ (властью, верховным управителем). Если рассматривать влияние истории и культуры на формирование выученной беспомощности, то можно проследить, как через всю историю русского народа красной полосой проходит система отношений, основанная на патернализме (от лат. *paternus* — «отцовский, отеческий»), то есть опеке, покровительстве и подчинении старших-значимых над младшими-детьми. Если рассматривать патернализм внутригосударственных отношений, то он построен по образу контроля государства над народом, что очень похоже на контроль отца над детьми в патриархальной семье. Типичная особенность российской ментальности — это перекладывание ответственности за все происходящее в стране на государство, неутомимое желание его опеки и заботы, мифологизация власти. Социальный контракт россиян с властью очень прост: власть берет на себя ответственность за все что происходит в стране, но взамен требует от населения тотальную лояльность и подчинение. Разве это не напоминает классические детско-родительские отношения с подростком? Лояльность в обмен на освобождение от ответственности. Говоря об авторитетной роли Российского государства, П. Чаадаев писал, что правители державы «почти всегда тащили страну на буксире без всякого участия самой страны». Он указывал на довольно пассивный характер народа в государственных делах, непроявление инициативы, избегание самостоятельности, а также отмечал довольно сильный авторитарный стиль управления «царя-батюшки» и смиренное упование народа на «верхи». Из всего сказанного получается, что народ России имеет исторически и культурно детерминированные личностные особенности, которые служат толчком к возникновению выученной беспомощности при любых

сложных и неподконтрольных ситуациях. В своей работе о психологии личностной беспомощности Д. А. Циринг характеризует личностную беспомощность в качестве устойчивой мотивационной характеристики субъекта, формирование которой происходит в процессе развития под воздействием взаимоотношений с другими людьми. «Этот вид выученной беспомощности проявляется в замкнутости, тревожности, возбудимости, зависимости от окружающих» [2]. Н. Н. Ланге писал, что «душа человеческой личности в 99 % случаев есть продукт истории и общественности» [3], что является подтверждением личностной беспомощности, которая формируется в процессе социализации. Личностная беспомощность формируется в семьях, где поощряется недифференцированность у детей в процессе воспитания, а также в семьях жестоких и непоследовательных родителей, где родители используют доминирующую гиперпротекцию, испытывают повышенную моральную ответственность. Несмотря на то, что мать ближе к ребенку и проводит с ним больше времени, надо отметить тот факт, что именно нарушения в стиле воспитания отца приводят к формированию личностной беспомощности у ребенка. Именно он приучает детей к дисциплине, устанавливает рамки поведения, способствует развитию волевых качеств ребенка, а также играет важную роль в усвоении детьми моральных норм. В семье отец транслирует социальные нормы и требования по отношению к ребёнку, являясь образцом стандартов поведения. В целях воспитания он одобряет одни поступки ребенка, наказывая за другие. На примере отца дети учатся практическим и действенным способам решения проблем, он демонстрирует мужской подход к преодолению сложных жизненных задач, проводя детальный анализ ситуации. Именно отец транслирует навыки принятия ответственности, что впоследствии характеризует психологически «взрослого» человека. Еще А. Б. Орлов отмечал, что в первые десять лет жизни ребенок, находясь в тесном контакте со своими родителями, приобретает совокупность «привычек, ролей, вкусов, предпочтений, понятий, представлений и предубеждений, желаний и мнимых потребностей, каждая из которых отражает особенности семейной и социальной среды, а не действительно внутренние тенденции и установки» [4]. Формирование личностной беспомощности или самостоятельности у детей находится под влиянием особенностей семейного функционирования. Одной из важных характеристик жизнедеятельности ребенка является его способность во взрослой жизни противостоять факторам, нарушающим его внутреннее равновесие.

Рассмотрев влияние семьи, а в частности фигуры отца на формирование выученной беспомощности у ребенка, хочется провести аналогию с патерналистскими традициями в русской истории и культуре, которые могли стать толчком к формированию выученной беспомощности россиян. Подтверждение патерналистской традиции в политической культуре нашего государства наблюдается в трудах представителей общественно-политической мысли России. Еще Н. Карамзин писал, что в России «самодержавие — это отческое и патриархальное правление», указывая на то, что «сам государь и есть живой закон» и судит, как отец семейства, без протокола — «по единой совести». Во время правления тирана Ивана Грозного народ и бояре боялись и лишь молили Господа о спасении. «Все люди, знаменитые богатством или саном, — писал Карамзин, — ежедневно готовились к смерти и не предпринимали ничего для спасения жизни

своей!» [5]. Удивляет тот факт, что у народа не вставал выбор между гибелью и сопротивлением тирании, все смиренно подчинялись!

Возвращаясь к рассмотрению отцовского воспитания в семье, необходимо отметить, что в основном именно отцы склонны к чрезмерно жесткому стилю воспитания, они убеждены, что детей надо меньше баловать, воспитывать в строгости и дисциплине, пропагандируя беспрекословное выполнение семейных требований, особенно это касается мальчиков.

А. Д. Попова, О. Д. Попова отмечают, что и государство для решения большинства социальных задач отлично использовало идею принуждения — вот обратная сторона патернализма. Государство, справедливо считающее себя «отцом», который решает проблемы своих «детей», вполне логично позволяет себе использовать принуждение и даже силу по отношению к «детям». Вот почему в практике российского управления так характерно использование насильственных методов, что, конечно же, можно считать еще одной ментальной чертой российского общественного сознания. «Кнут» как лучший инструмент управления в прямом и переносном смысле давно укоренился в сознании народа. В истории России немалое место занимают репрессии, которые с удовольствием использовались государством в исправительных целях. При этом социальные, просветительские и воспитательные меры совершенно упускались из виду. В первой половине 19 века в уголовном праве России довольно часто применялись телесные наказания. О. Е. Курочкин рассматривает традиции физического и морального наказания как основной и главный воспитательный прием в России. Приверженность к религии и аскетическим принципам, а также бескрайняя вера в авторитет отцовской фигуры, отсутствие личных интересов и преобладание традиции коллективизма, жертвенность русской души и ее сострадание стали основой духовного развития и воспитания нашего народа. На примере «Домостроя» можно проследить стиль воспитания подрастающего поколения в 16 веке: «Не ослабляй, бия младенца... Любя же сына своего, учащай ему раны... Казни сына своего из млада» [6].

Применение санкционированного насилия в школах было окончательно запрещено только в 1917 году, но на смену телесным наказаниям пришла строгая дисциплина и опять же беспрекословное послушание, что противоречит возможности воспитания разносторонне развитой личности. Советская школа не была ориентирована на активность учащихся, идеология того времени считала своим долгом воспитание покорности, игнорируя творческую инициативу. Традиционное преобладание коллективизма и соборности не давали места проявлению индивидуальности. «Я последняя буква в алфавите!», «Сиди и не высывайся», «Инициатива наказуема!» «Будь как все». Э. Эриксон утверждал, что подавление инициативы ребенка в определенном возрасте формирует у него чувства вины и стыда, что является характерными чертами выученной беспомощности. Не только в советский период в воспитании подрастающего поколения преобладала покорность и дисциплина. Еще Петр I считал, что применение исключительно воинской дисциплины и порядка являются гарантом воспитания сознательности, трудолюбия и христианской нравственности. Во время его правления преобладал культ государственных учреждений и административных инстанций, которые довольно бестактно вмешивались в частную и личную жизнь граждан. Петр I в 1721 году, приняв титул «Отца Отечества», говорил о народе: «Наш народ яко дети». Французский географ и путешественник Поль Лаббе, путешествуя по России в начале 20 века, писал в своих заметках: «Русский народ — это большой, очень добрый и совершенно беспечный ребенок, живущий только сегодняшним днем» [7]. И по сей день русские люди довольно по-детски доверчивы, не вникая в суть идеи, любят признавать положительные свойства любой новизны, подчиняясь моде, стараются перенять все новое, западное.

Хочется отметить, что беспомощные дети вырастают в семьях, где ребенок воспитывается в роли и позиции «маленького». Родители инфантильных детей предпочитают видеть в них непосредственность, наивность, игривость, стараясь всячески сохранить эти качества. Одна только мысль что ребенок вырастет, повзрослеет и пойдет своей дорогой вызывает у таких родителей чувство страха и беспокойства. Считая ребенка «маленьким», у родителя неосознанно снижается уровень требований к нему. Это приводит к тому, что у ребенка не формируется опыт по преодолению трудностей и принятию ответственности, блокирует желание активно влиять на

ситуацию. Проведя контент-анализ русских народных сказок, О. Е. Курочкин указывает на единый сюжет: главный герой, как правило, младший сын должен выполнить трудное задание. Выслушивая задание, главный герой по обыкновению «повесил голову» и «пригорюнился» — типичная реакция ребенка, осознавшего свою беспомощность. Можно предположить, что ребенок ассоциирует себя именно с этим героем сказки. Практически во всех сказках с похожим сюжетом главный герой почти не тратит никаких усилий для выполнения поставленного перед ним задания, все за него делают множественные сказочные помощники: серый волк, конек Горбунок, царевна лягушка, жар-птица и другие волшебные герои. В данном случае ребенок легко учится перекладывать ответственность на других, ожидая помощи со стороны, научаясь тем самым лениться, ведь все свершится само собой, без его усилий. Иногда ребенок осознает, что ограниченные возможности, слабость и зависимость могут быть довольно выгодны в поведении со взрослыми, что приводит к формированию иждивенческой установки, характерной для симптоматики выученной беспомощности.

О феномене выученной беспомощности можно прочесть и в произведениях русских классиков. Драматизм, даже трагизм этого феномена очень наглядно показан в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». Крестьяне, получившие вольную в 1861 году, абсолютно не были к ней готовы. Вспомним старого слугу Фирса, для которого отмена крепостного права была сравнима «несчастьем». Уже в то время большинство из крестьян были под влиянием выученной беспомощности и даже после отмены крепостного права не знали и не понимали, что им делать с полученной ими волей. Поэтому многие из них еще долгое время жили со своими помещиками и никуда не уходили. Если обратиться к более позднему времени, то такую же картину можно было наблюдать после проведенных реформ Горбачева и Ельцина. Россияне, так воодушевленно встретившие демократию и свободы, оказались совершенно к этому не готовы. Как оказалось, это не экономическая неподготовленность, а социально-психологическая, что неминуемо стало причиной проявления иждивенческого синдрома и привычки во всем полагаться на волю хозяина, барина, а в данном случае — на государство. В сложившейся ситуации народ остался «у разбитого корыта», так как не был приучен рассчитывать на самого себя. Люди, воспитанные на психологии общинного быта, с трудом привыкали к частнособственническим отношениям. «На уровне ребенка» находится способность мобилизации россиян. Неудивительно, что в момент, когда нужно собраться и проявить самостоятельность, срабатывают заложенные на генетическом уровне «детские реакции». В сложных и критических ситуациях беспомощный народ жаждет обратиться «к старшему» — к «умному человеку», начальнику, государству. Не зря в сознании многих россиян есть ярое желание «жить в сильном государстве», которое встало бы на защиту интересов граждан, или заставило бы народ самого собрать «волю в кулак» и начать действовать. Невольно напрашивается вопрос, а выиграли бы мы Отечественную войну без «вождя народов» Сталина?

Легенда о призвании варяг для управления русскими землями так точно характеризует исторически обусловленную беспомощность народа, а также нежелание «взрослеть» и «брать ответственность за свою жизнь»: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами» [8]. А. Н. Бердяев указывает на «неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле. Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем...» [9]. Что это, лень вселенская или нежелание брать ответственность за свою жизнь?

Государственная власть традиционно играла огромную роль в судьбе русского народа и, обращаясь к нашей истории, можно проследить, что с каждым критическим периодом, пережитым народом, власть становилась все более сильнее, важнее и могущественнее, тем самым влияя на

русскую ментальность. Следует заметить, что не закон, а именно государственная власть всегда была для народа единственной защитой, гарантом порядка и безопасности в обществе. Не потому ли отношения к власти по традиции воспринимались как семейно-патриархальные: глава и отец «русского рода» — «царь-батюшка», «государь милостивый», «вождь народов», у которого есть «дети», то есть народ, который должен выполнять все приказы, под страхом гибели рода. В сознании народа, которое отражает русский архетип, власть зачастую ассоциировалась с «барином» (господином): «Вот приедет барин, барин нас рассудит...». Это еще одно доказательство того, что для русского человека «закон не писан», т.е. не важен и не нужен. В беде и несправедливости помощь конкретного человека, облаченного властью, в разы действенней буквы закона. «Вера в доброго царя» — еще одна характерная культурная особенность русского народа. Русский человек не хотел вступать в диалог с чиновниками или помещиками, а предпочитал писать челобитные царю (генеральному секретарю, президенту). Народ верил, что негодяи чиновники обманывают доброго царя, и, если «открыть ему глаза» на правду, то сразу все наладится. «Царь хороший, бояре плохие», — и сейчас многие из россиян думают, что президент хороший, он просто не знает, что творится на местах, потому что «бояре» от него все скрывают.

Выученную беспомощность доказывает и психологическая особенность русского архетипа, характеризующаяся таким качеством, как фатализм — пассивно-созерцательное отношение к миру. Русский человек верит в свою судьбу и уверен в том, что жизнь его предопределена, и многое в его жизни может произойти независимо от его воли и желания. Даже на примере русских народных сказок можно проследить наивную веру в чудо, счастливую случайность. Русский человек, как большой ребенок хочет, чтобы все проблемы решились сами по себе, скорее всего отсюда и доверие к сильным людям (лидерам), которые способны повлиять на происходящее [10]. И, когда в жизни случаются непредвиденные удары, русский уповает на судьбу и смиряется, говоря себе: «Ничего», «Чему быть — того не миновать», «Что ж, такова моя судьба».

Нельзя не упомянуть и религиозную традицию воспитания, которая всегда занимала особое место в культуре русского народа. Еще З. Фрейд говорил, что прообразом бога в любой религии (тотемизме) является фигура отца. Христианство заточено на сохранение умонастроения раба, принижение и уничтожение человеческой души. Все верующие — это «рабы божьи», Люди верят и почитают Бога, ожидая прихода спасителя. На Руси детей воспитывали в «страхе Божиим», но ведь истинно христианский завет заключается в любви к Господу. Перекладывая ответственность за свою жизнь на Господа и на судьбу, «во всем воля Божья», русский добровольно лишает себя определенной доли свободы и возможности влиять на ситуацию. Стоит отметить, что в православных церквях запрещается сидеть во время службы пребывая в комфорте. В течение нескольких часов молящиеся стоят, кланяются в пояс, человек должен выстоять службу в муках и неважно, что ноги затекли — «Бог терпел и нам велел».

«Коллективное бессознательное» нашей страны насквозь пронизано традицией патернализма. Этот архетип русской культуры усвоился народом в процессе социализации, управляя поведением россиян на уровне подсознания. В России всегда ждут чего-то от государства, причем не столько законов, которые бы установили правила общественной жизни, сколько оказания конкретной помощи и поддержки [11]. Народ считает, что Президент, и только он, в ответе за порядок в стране, что он обязан гарантировать рабочие места, позаботиться о благе и счастье народа, вменяют ему и формирование новых ценностей, мировоззрение, чтобы народ, как и прежде, мог верить и надеяться в государство. «Родительские функции» должны быть возложены на государство. Не «детская» ли — это позиция народа? Возможно.

Погрязшие в архетипе жертвы, россияне верят, что от них ничего не зависит и что они не могут ничего изменить. «И всегда так было», — жалуется народ, подписываясь под своей гражданской недееспособностью. Большинство россиян убеждены, что ничего не может поменять ход событий в стране. Перестали бороться за свои права. «Живы, и слава Богу. Лишь бы не было войны», — фразы, которые часто можно услышать от старшего и среднего поколения [12]. Создается впечатление, что россияне погружены в состояние всеобщего гипноза, который граничит с потерей инстинкта самосохранения. Люди презирают власть, но безумно боятся ее смены, многие чувствуют несправедливость и незащищенность, но терпеть не могут борцов за гражданские права. Народ ненавидит чиновников и правительство, но потакает тотальному государственному вмешательству во все сферы жизни, осуждает коррупционную структуру, чувствует себя обманутым, но верит телевизору, люди уже не только не могут, но и не хотят на что-то влиять. «Двойная прошивка» Грегори Бейтсона налицо — обществу постоянно посылаются противоречивые сигналы, когда в СМИ говорят одно, а на деле получается совсем другое. Общество находится на грани нервного срыва. Утрачен статус великой державы, народ ностальгирует по тому времени, когда мы были «самыми сильными и нас все боялись». Старшее и среднее поколение с гордостью вспоминает державность в традиционном смысле — «власть твердой руки». Есть и такие, которые говорят, что нам нужен «новый Сталин». Конечно, речь не идет о возврате к тотальному сталинскому режиму, люди желают решить совершенно конкретные задачи по искоренению коррупции, бюрократии и чиновничьего беспредела, который творится в стране.

Заключение. Динамичное экономическое развитие общества, а также всех его структур, включая социальные, требуют от народа осознания исключительной важности уничтожения патернализма во всех организационных началах и структурах, ведь патернализм является преградой на пути общественно-экономического развития в России. Стоит отметить, что и по сегодняшний день государство возвышается над всеми политическими процессами и партиями в стране, что говорит о принятии на себя государством высшей воли в управлении страной. В свете последних событий государство стало выступать в роли «всевидающего ока», прямо и откровенно вмешиваясь в частную и личную жизнь граждан [13]. И хотя многие считают, что многовековая традиция патернализма уже давно ушла в прошлое, на первом месте «человеческая индивидуальность», «взрослая и ответственная личность», хочется обратиться к данным соцопроса проведенным «Левада-центром» в ноябре 2020 года. На вопрос нужна ли стране «сильная рука», властный руководитель, 49 % ответили — нужна и постоянно, тогда как в 1989 году на тот же вопрос утвердительно ответили всего 25 %. На вопрос должно ли государство заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни, 60 % респондентов ответили да, что говорит о нежелании народа «взрослеть», а также обо все еще стойкой традиции патернализма в Российском государстве [14]. Можно предположить, что через одно-два поколения такое явление исчезнет само собой. Но психологическая реальность такова, что народ избирательно реализует возможности, предоставленные свободой выбора, и с удовольствием пользуется приобретёнными правами, тем самым «не торопится» брать на себя ответственность и возлагать на себя обязанности. Люди ищут причины, оправдывающие свою безынициативность, безволие и слабость, обвиняя во всем государство, правительство, чиновников и даже Запад. Но, как известно, такая философия жизни определяется как незрелая.

Библиографический список

1. Россияне сняли с себя ответственность за страну // Левада-Центр: [сайт]. — URL: <https://www.levada.ru/2016/07/13/rossiyane-snyali-s-sebya-otvetstvennost-za-stranu/> (дата обращения: 25.04.2021).
2. Циринг, Д. А. Психология личностной беспомощности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Д. А. Циринг. — Томск, 2010. — 16 с.
3. Яровицкий, В. 100 великих психологов / В. Яровицкий. — Москва : Вече, 2004. — 23 с.
4. Орлов, А. Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее я человека / А. Б. Орлов // Вопросы психологии. — 1995. — № 2. — С. 10–15.
5. Карамзин, Н. М. Записка о древней и новой России / Н. М. Карамзин. — Москва: Наука, 1991. — 102 с.
6. Курочкин, О. Е. Психологический анализ исторических предпосылок формирования выученной беспомощности у детей в процессе воспитания / О. Е. Курочкин // Известия ПГПУ. — 2008. — №7 (11). — 183 с.
7. Лаббе, П. По дороге России от Волги до Урала / П. Лаббе. — Паулсен, 2017. — 134 с.
8. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. — Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца. — Т. 1. — С. 67–68.
9. Бердяев, Н. Душа России / Н. Бердяев. — Москва: Центрполиграф, 2016. — 6 с.
10. Циринг, Д. А. Психология выученной беспомощности / Д. А. Циринг. — Москва : Академия, 2005. — 120 с.
11. Попова, А. Д. Без свобод мы спокойны за нашу жизнь: Исторические истоки патернализма в Российской ментальности / А. Д. Попова, О. Д. Попова / Новый исторический вестник. — 2018. — № 2 (56). — С. 44–45.
12. Лях, Н. А. Патернализм в России. / Н. А. Лях. — Вологдинские чтения. — 2002. — № 23. — С. 61–63.
13. Поломошнов, Л. А. Народ и власть в контексте русского национального характера / Л. А. Поломошнов // Философские науки. — 2018. — № 4 (29). — С. 182–185.
14. От мнений — к пониманию / Левада-Центр: [сайт]. — URL: <https://www.levada.ru/2020/02/25/gosudarstvennyj-paternalizm/> (дата обращения: 25.04.2021).

Об авторах:

Абдуллаева Карина Турсуналиевна, магистр исторических наук, магистрант кафедры «Общая консультативная психология» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), Carina1982@mail.ru

Звездина Галина Павловна, доцент кафедры «Общая консультативная психология» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), galzvezdina@yandex.ru

About the Authors:

Abdullaeva, Karina T., Master of Historical Sciences, Master's degree student, Department of General Consultative Psychology, Don State Technical University (1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), Carina1982@mail.ru

Zvezdina, Galina P., Associate professor, Department of General Consultative Psychology, Don State Technical University (1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), galzvezdina@yandex.ru